

Евгений Замятин. Ленинград, 1925.

К шестидесятой годовщине этой памятной даты приурочено открытие международной научной конференции «Рукописное наследие Е.И.Замятина: проблемы изучения и публикации», организованной в Санкт-Петербурге Российской научной библиотекой, ИРЛИ (Пушкинский дом), Союзом писателей города, Морским техническим и Техническим университетами. Для участия в ней соберутся исследователи России, Франции, Германии, Италии и США. Помимо специальных археографических тем, повестка дня конференции включает в себя широкий спектр вопросов творческой биографии писателя и сулит немало открытий.

К замятинским дням в Петербурге приурочен выпуск мемориальных изданий, среди которых — специальный номер петербургского филологического журнала «Russian Studies» с подборкой новых архивных и библиографических материалов о писателе.

На выходе и сборник «неизданного Замятина». Подготовленный М.Любимовой и Л.Бучиной, объемистый том факсимильно воспроизводит замятинские автографы из собрания Рукописного отдела РНБ. Центральное место в нем занимает никогда прежде полностью не публиковавшийся корпус писем писателя к жене. Эта переписка — своеобразная «автобиохроника», подробно описывающая труды и дни Замятина в период с 1906 по 1931 г., — уникальный источник для изучения и реконструкции его творческой биографии. Кроме того, в стенах РНБ организована мемориальная выставка, демонстрирующая уникальные материалы из музейных, библиотечных и частных коллекций. По планам организаторов, этот опыт музеефикации замятинского наследия получит печатное закрепление в форме аннотированного каталога.

Одним из феноменов литературной биографии Е.И.Замятина можно считать скудость мемуаристики о нем. Потаенность его натуры, неизменно закрытой от досужего внимания маской светского джентльмена, отмечалась многими современниками, и эта неодолимая преграда останавливала память многих. Большинство же тех, кто близко знал писателя, остались в СССР, и их уста были навсегда запечатаны цензурным запретом на упоминание его имени. Тех же, кто, подобно Ю.Анненкову, крепко дружил с Замятиным, по-настоящему знал его и решил оставить свои мемуарные свидетельства, можно перечислить по пальцам.

К этому узкому кругу избранных принадлежала и Августа Филипповна Даманская (1885-1959) — писательница, переводчица и публицист, более известная современникам по псевдонимам Арсений Мерич, Филипп Август, А.Филиппов и др. Сегодняшним читателям ее имя не говорит ничего, хотя оно возвращено в историю литературы благодаря недавним публикациям ее воспоминаний в «Новом журнале» и в альманахе «Лицо».

Напомним читателю о том, что Даманская пришла в русскую литературу в пору расцвета Серебряного века русской художественной культуры, не выдвинувшись, впрочем, в первые ряды ее творцов. С 1906 года ее сочинения в стихах и прозе можно было часто встретить на страницах ведущих журналов — «Русское богатство», «Современный мир», «Русская мысль», «Образование», «Аполлон» и др. По ее переводам российский чита-

Августа Даманская

Памяти Евгения Замятина

10 марта 1937 года в Париже скончался Евгений Иванович Замятин

тель впервые знакомился с творчеством Р.Роллана, Ш. де Костера, В.Гюго, Э.Золя, Г.Гауптмана, Б.Келлермана, Г.Гессе, Г.Уэллса, У.Локка, Ст.Пшибышевского и др. Пользовались известностью и ее книги: «Рассказы» (1908), «Стеклянная стена» (1917), «Где-то там» (1918), «Вода не идет» (1922), «Жены», «Радость тихая» (1929), «Миранда» (1952).

Бежав из Советской России летом 1920 г., Даманская и на чужбине продолжала плодотворно работать в русской зарубежной периодике («Руль», «Последние новости», «Возрождение», «Сегодня», «Новое русское слово» и др.). Ее неутомимый дар литератора и публициста высоко ценили такие разборчивые критики, как Г.Адамович, П.Пильский и Б.Зайцев. А.Ф.Даманской была суждена трудная и, к сожалению, типичная эмигрантская судьба: она умерла в полной нищете и забвении, пережив многих друзей и сверстников.

Одной из самых дорогих для нее человеческих привязанностей была дружба с Е.И.Замятиным. Их знакомство, быстро перешедшее в тесное общение, произошло осенью 1917 г. и не оборвалось даже после ее отъезда за границу. Из эмиграции Даманская интересовалась творчеством Замятина, регулярно откликалась в печати на все винки, вышедшие из-под его пера, и даже умудрялась поддерживать с ним почтовую переписку. После того, как и Замятин покинул СССР, их дружеское общение возобновилось в Париже. А.Ф.Даманская часто навещала замятинскую квартиру в доме на улице Раффэ, 14, и была в числе тех немногих русских парижан, кто участвовал в похоронах писателя. Именно ей принадлежала честь первой обнародовать свои воспоминания и мысли о скончавшемся писателе. Два очерка А.Ф.Даманской стали трогательной эпитафией безвременно ушедшему другу. Впервые опубликованные в рижской газете «Сегодня» (14 и 28 марта 1937), они с тех пор не переиздавались. Мы публикуем их с небольшими исправлениями.

РАШИТ ЯНГИРОВ

Встречи с Е.И.Замятиным

Помню sereneкий осенний день 1917 года. Петербург тогда — уже не Петербург, и еще не Ленинград, — а Петроград. Петербургская Строна, небольшая, приятная квартира одной из лучших русских переводчиц, Ксении Михайловны Жихаревой, тогда — жены писателя Вяч.Шишкова. Жихарева, оторвавшись от перевода испанского романа Райм-«на» де ла Серно, торопливо пощел на кухне белье — прачки уже недоступны, прачки заняты уже на митингах и демонстрациях, — я с блокнотом в одной, со стило в другой руке — тут же на кухне набрасываю черновик докладной записки, которая должна быть заслушана завтра в президиуме «Союза переводчиков», где мы обе состоим. Звонок. Жихарева вытирает быстро руки, старательно оправляется.

— Это, верно, англичане.

Вошла молодая пара — свежие, бодрые, ладно, не по-петербургски одетые, и впрямь английского облика. Замятины тогда только что вернулись из Англии, куда Е.И. командирован был в 1916 году морским министерством на корабельные верфи в Нью-Кейсле. Уклад английской жизни пришелся им по вкусу, они быстро вошли в нее, переняли черты английского обихода, и до последних дней и в облике, и в манере одеваться, принимать гостей сохранили английские привычки. Из Англии Е.И.Замятин, известный уже как автор «Уездного», привез повесть «Островитяне» — первый, пожалуй, камень в фундамент большой его известности, и рассказ «Ловец человек» — отличное знание английской литературы, английского быта и тьму всяких планов и радужных надежд.

Октябрьский переворот совершился чуть ли не в первые дни его возвращения на родину. «Летопись» — ежемесячник, во главе которого стоял Горький, им же возглавлявшаяся газета «Новая жизнь», передовые петербургские, московские издательства набросились на «англичанина», как звали тогда за глаза Е.И.Замятина, — все чаяли получить от него что-то новое, свежее; теперь перед

ним раскрылись широко все литературные издания, и литературная молодежь стала прислушиваться к тому, как выскажется Замятин о том <или> другом писателе, стала прислушиваться к советам Замятина, и когда несколько позднее, в 1919 году или еще раньше, ему предложено было вести «Студию прозы» в Доме искусств, в елисеевском особняке, на Мойке, — на первой же его лекции зал с розовыми мраморными колоннами был переполнен до отказа. «Искусство писать рассказы» — называл он ряд своих непередаваемо тонких, остроумных разборов того, другого печатного или рукописного литературного произведения.

Перечисление имен русских писателей, усвоивших или перенявших, более или менее своеобразно претворивших замятинскую манеру художественного письма, не уместилось бы в рамках газетного очерка. Удивляло на его лекциях в Доме искусств еще другое — когда он находил для такой тщательной подготовки к ним время?

Одновременно читал он лекции о современной русской прозе в Педагогическом институте, а позднее — по своей инженерной специальности в Политехническом; одновременно писал рассказы для осаждавших его редакторов журналов и газет, одновременно состоял в редакционной коллегии памятной петербуржцам того времени «Всемирной литературы», где редактировал переводы английских книг, писал к ним предисловия, писал пьесу для «Исторической секции» при «Всемирной литературе» («Огни святого Доминика»); не пропускал ни одного заседания, ни одного организационного собрания, потому что перестраивавшаяся тогда литературная и общественная жизнь его волновала, задевала его горячую человечность, его острое чувство справедливости: от того, как перестроится эта жизнь, зависела тогда судьба десятков, сотен начинающих писателей, поэтов, литераторов, переводчиков с большим опытом и многолетним стажем в прошлом.

Жил он тогда с женой — грациозной, хрупкого здоровья, чрезвычайно привлекательной маленькой женщиной — в до-

ме №19 на Карповке, рядом с Домом писателей, который отделяла красная кирпичная стена от особняка Савиной. Огромный дом №19 — без подъездов на улицу, с маленьким внутренним сквером и фонтаном среди розовых кустов, построенный «на манер западноевропейских народов», по выражению одного из замятинских героев, Кортомы — «из» рассказа «Север», — не дождался до сих пор своего рапсода, своего историка.

Высокие светлые комнаты еще были высоки, светлы в 1918 году, когда часть бывших квартирладельцев (это был дом частных собственников разных размеров квартирных площадей, на которых каждый собственник строил, как хотел) выбыла уже: кто бежал за границу, кто — в провинцию, кто сидел в тюрьме. Но к тому времени, когда в опустевших, дешево сдававшихся районным жилищным домовым управлением квартирах поселилось несколько писателей, профессоров, музыкальных критиков, музыкантов, уже вымирали все удобства, весь комфорт этого великолепного дома — еще недавно предмет зависти и восхищения петербуржцев.

Центральное отопление стали уже заменять дымившие печки «буржуйки», газовые плиты — примусы, ванне комнаты, где круглые сутки можно было пользоваться горячей водой, служили кладовыми и чуланами, и не бежала уже из кранов ни горячая, ни холодная вода, электричество отключалось на час-другой в сутки, и чаще всего — поздно ночью или на заре, когда оно никому не нужно было, или же внезапно ночью ярко озарялись окна той <или> иной квартиры, и тогда в других темных квартирах знали, что за празднично освещенными окнами разыгрывается последний акт какой-то трагедии, решается чья-то судьба...

Внезапно — яркий свет в окнах чужей квартиры означал облаву, обыск. Внезапная чернота в только что зловеще горевших окнах означала чей-то конец, чье-то отчаяние, которому трудно или нельзя было помочь.

В те зимние месяцы, когда в этом доме на Карповке, кроме Замятиных, жили А.В.Амфитеатов со своей прелестной музыкальной семьей, музыкальный критик и популяризатор Вагнера в России В.Д.Коломийцев, Вера Ильинична Репина, А.Ф.Даманская, профессор Э.Ф.Лесгафт, профессор Буш,

Окончание на стр.12

Начало см. стр.11

композитор Каленский, еще ряд профессоров и известные по своей общественной деятельности врачи, поместительные квартиры сводились уже к одной или двум комнатам, которые еще кое-как можно было топить, согревать; остальные светлые, высокие комнаты заперты были наглухо и щели законопачены, чтобы не дул из них арктический холод... Иные жильцы в этих комнатах-ледниках хранили провизию и дрова. В таком леднике часто колот щепки для своей печурки и Е.И.Замятин — редко выпуская изо рта свою английскую короткую трубку и редко не улыбаясь свидетелю его схватки с каким-нибудь злым, корявым поленом.

Покончив с поленом, садился за рояль — освежиться... Этюд, ноктюрн Скрябина — он не был виртуозом, но, что любил, играл с большим толком, вкусом; в той <или> другой музыкальной фразе давал порою мягкость, лиризм, не вязавшиеся с как будто преобладавшей в нем холодной сдержанностью, казавшейся даже суховатостью мало знавшим его. Этой кажущейся суховатостью Е.И. только заслонял — не себя даже — свой внутренний комфорт от глупого любопытства, от суетных попыток вторгаться в его интимную писательскую жизнь, но и заслонку эту между собою и миром сумел он воздвигнуть так, что ничьи руки о ее стенки не укололись, ничье самолюбие никогда ею не уязвлялось...

Время от времени с глухим шумом, но покрывавшим все другие тревожные голоса и звуки тех дней, переворачивалась страница истории... Охали, ахали, возмущались, негодовали. Кто из встречавших в те месяцы, годы Е.И.Замятина слышал из редко не улыбающихся уст — охи, ахи, слова возмущения или негодования? Он только переставал улыбаться на несколько дней, только меньше показывался на людях, и только серело его лицо и западали щеки. А там — опять работа, опять обязательства, умножавшиеся, усложнявшиеся с каждым годом. В годы с 1920<го> и по 1930<й> Е.И.Замятин редактировал журнал «Русский современник», написал несколько пьес («Блоха», «Общество почетных звонярей», «Сенсация»), много работал для театра, подружился со многими театральными деятелями, продолжал читать лекции в Политехническом институте и писал рассказы, которые ему все труднее и труднее становилось печатать.

Быть может, потому, что он оставался верен себе, — не поднимал голоса, когда надо было кричать, не славословил кого надо было славить, не возмущался, не вопил, чего не делал и раньше, когда

были другие поводы к таким же громким проявлениям чувств, но Е.И.Замятин оказался каким-то инородным телом в родной — и давно ли? — близкой ему по духу литературной среде... Нашлись прозорливцы, выживавшие ересь в одном, в другом его рассказе, печатавшихся и тоже — давно ли? — в изданиях, ле-

Евгений Замятин с женой. Ривьера, 1932.

вее которых нельзя было идти, — в изданиях, выходявших под эгидой Горького.

Круг надежных спутников суживался, кольцо недоброжелательства смыкалось. Надо было умолкнуть совершенно, надо было примириться с неизбежной перспективой медленного умирания, на какое обрекало его отсутствие контакта с читателем, или сделать отчаянную попытку: уйти в другой мир, где он волен будет творить, писать, печатать свои книги, в мир, где можно снять замок со своих уст и воскреснуть вновь, как писатель...

Сверх всех своих ожиданий Е.И.Замятин получил в 1931 году «отпуск» за границу сроком на один год, с тем, чтобы ознакомиться с послевоенной Европой... Предполагалось, что он разочаруется и вернется в СССР — кающимися блудным сыном. Этого не случилось. Европа не разочаровала <и> не очаровала Е.И.Замятина. И до полного чаемого воскресенья ему дожить не привелось. Е.И.Замятин ушел из этого мира, не использовав и сотой доли отпущенных ему творческих сил.

Смерть Е.И.Замятина

Не может быть! Не может быть! Не может быть!.. — переключались вчера по телефону друзья, знакомые Евгения Ива-

новича. Очень, очень немногие, несколько человек наперечет, знали о том, что он болен, и лишь два-три человека — о том, что он тяжело болен уже несколько месяцев. Когда он показывался где-нибудь — очень редко; впрочем, — появлялся там, где привычно встречал в Париже других живущих здесь русских пи-

давать удовлетворение столь чуждому светности и мелкого тщеславия человеку, как не могла давать ему большой отрады всегда, впрочем, успешная работа над сценариями.

Последней его работой, оцененной уже европейской печатью, был сценарий по пьесе Горького «На дне». Е.И.Замятин оставил законченный роман «Бич Божий», из которого он на одном закрытом вечере в Париже прочел с год тому назад лишь несколько отрывков, роман «Мы», изданный на французском языке и частями печатавшийся в «Воле России», и несколько рассказов, нигде еще не печатавшихся. Но неизмеримо значительнее духовное наследство его, не закрепленное в вещественных, темных знаках: память о литературном подвижничестве, о долге внимания к литературным товарищам, о литературной честности, об исключительной нравственной опрятности...

Но эти черты, кроме многих его, оставшихся в России учеников, литературных друзей, могли оценить вне России лишь очень немногие. Круг его знакомств в Париже был ограничен, жил он со своей женой — верным, самоотверженным другом — очень уединенно, но для тех немногих, кто входил в этот тесный круг его знакомств, общение с ним было высокой, незабываемой радостью.

Суждения Е.И.Замятина о каком-нибудь литературном произведении — всегда меткие, острые; об авторах — несколько слов, штрихов, но дававших запечатлевшийся в памяти портрет. Суждения Е.И.Замятина о людях впечатывались к ним. Уже нельзя было говорить, думать о таком человеке, не

Большой писатель, создавший в России, в первые годы большевизма, когда он руководил «Студией прозы» в Доме Искусств, литературную школу, автор десятка книг, которым при всех политических режимах суждено еще долгий век, замечательный, сурово-требовательный к себе стилист, Евгений Иванович Замятин, как это ни дико, в эмиграции оказался «не у дел». Время от времени перевод того, другого его рассказа в том, ином передовом французском или американском журнале вряд ли могли

представлять его себе <иначе как> с надписью, сделанной на его облике Замятиным, но никогда не было в его отзывах ни тени злобы, высокомерия, желания щегольнуть своим остроумием или прозорливостью за чей-либо счет; как не находили путей в его душу ни зависть, ни самомнение, ни самодовольство, ни погоня за дешевым успехом... Говорить ли о том, что такого духовного склада человек никогда не мог никому жаловаться, никогда не мог сетовать на чье-либо невнимание к нему, на то, что кто-то не оценил, недооценил его... Так же не жаловался он никогда и на свою болезнь — мешала стыдливость говорить о себе, занимать судьбу гостя, или будучи чьим-либо гостем.

Утром 10 марта предполагалось перевезти его в клинику, где он должен был подвергнуться операции переливания крови. В успешный результат этой операции он твердо верил. Но до этого утра ему дожить не суждено было. Он скончался между 4-мя и 6-ю часами утра, не просыпаясь, от паралича сердца — по мнению одних, от кровоизлияния в мозг — по мнению других врачей. Трудно было освоиться с мыслью, глядя на четкое, с закрытыми глазами лицо, на котором застыла его тонкая, чуть-чуть насмешливая улыбка, что это лицо мертвого уже Евгения Ивановича. И вряд ли дважды в жизни можно так горько плакать, как плакали вчера перед покрытым цветами Е.И.Замятиным друзья, его любившие, знавшие ему цену.

Друзья, которые не забудут его никогда.

Публикация
РАПИТА ЯНГИРОВА

Москва